

Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. -- М.: INTRADA, 1999.

Scan [ImWerden](#)

OCR Бычков М. Н.

В книге использованы издания, рукописные и изобразительные материалы, принадлежащие Российской Государственной Библиотеке, Государственному Историческому Музею в Москве, Пушкинскому Дому (ИРЛИ РАН) в Санкт-Петербурге, музею "Горицкий монастырь" в Переславле.

Составители выражают глубокую признательность директору Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) академику Н. Н. Скотову, научным сотрудникам Рукописного отдела ИРАН РАН, заведующей Литературным музеем ИРЛИ Т. А. Комаровой, научному сотруднику Литературного музея ИРЛИ А. Г. Мамаевой, научному сотруднику Переславского музея ("Горицкий монастырь") В. И. Панфилову за помощь в подготовке этой книги.

Подобно иным порядочным русским поэтам, граф Дмитрий Иванович Хвостов написал свой Памятник. Но вот что удивительно: его Памятник ничем не напоминает о мании величия, в которой Хвостова всегда подозревали; напротив -- он скромн, шутилив и даже слегка ироничен.

Восьмидесяти лет старик простосердечный,
Я памятник себе воздвигнул прочный, вечный:
Мой памятник, друзья, мой памятник альбом;
Пишите, милые, и сердцем и умом,
Пишите взапуски, пишите, что угодно;
Пускай перо и кисть играют здесь свободно,
Рисует нежность чувств стыдлива красота,
Промолвит дружбы в нем невинной простота;
Я не прошу похвал, я жду любви совета:
Хвостова помните, забудьте вы поэта.
(*"В мой альбом, 1826 года"*)

Стихи эти едва ли не новаторские: кто из современников Хвостова додумался с такой дерзостью переакцентировать горацианскую формулу *exegi monumentum*, подав ее со снижающее домашней, альбомно-мадригальной интонацией? И чей еще памятник заканчивается столь странной рекомендацией - "забыть поэта"? Да тот ли это Хвостов, который начал свою автобиографию почти параноидальным сомнением в способности памяти потомков вместить его литературные подвиги: "Благосклонный читатель! Ты зришь пред очами своими жизнеописание знаменитого в своем отечестве мужа. Дела его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что поместить оныя в себе может одна только соразмерная оным память, и то токмо при систематическом и притом раздельном повествовании оных"¹.

Конечно, альбомный "памятник" Хвостова -- лишь шутка, и сам поэт на самом деле не сомневался в бессмертии своих од; просьба "забыть поэта" -- в значительное мере кокетство. Но только ли кокетство? Может, есть тут и другая сторона: Хвостов словно устал от собственной литературности, от бесконечной, как дурной сон, роли "многогранного сочинителя" -- ведь он видел, как поэты -- настоящие поэты -- там и здесь перерастали эту роль: один "правду возвещал" и "истину царям с улыбкой говорил", другой и вовсе оказался "не поэт, а гражданин", а третий вот-вот заявит, что занимался в основном тем, что "призывал милость к падшим"... Литература перерастала себя, вела к разговору с царями и Богом, к напечатлению Истины в "людских сердцах", к сердечному и теплomu образу человека; глагол жег или ласкал -- Хвостов же оставался литератором, ходячим воплощением литературы (и даже неважно -- плохой или хорошей литературы!), частью и атрибутом литературного ландшафта. И вот он просит -- "забыть поэта"... Что вовсе не значит, что он хочет забвения своих стихов -- он хочет всего лишь, чтобы за стихами увидели его человеческий образ, чтобы стихи заговорили -- о нем: "я жду любви совета: Хвостова помните..."

Но *его* стихи -- не говорили: они оставались всего лишь стихами. И все же мы помним Хвостова. Почему?

Его парадокс удачно выразил К. Н. Батюшков в письме к Н. Ф. Грамматину: "своим бесславием славен будет в позднейшем потомстве"². Хвостов -- "русский Мевий", забавное олицетворение графомана,